

Илюшин А.М. (Кемерово)

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ПРЕДМОНГОЛЬСКОЙ ЭПОХИ В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ

(на материалах погребальных комплексов Шанда и Шабаново-III)

Изучение этнических процессов на различных территориях юга Западной Сибири, в частности, Кузнецкой котловины, эпохи средневековья неразрывно связано с исследованием проблемы этногенеза коренного тюркоязычного населения этого региона. Актуальность обращения к этой проблеме вытекает из современных процессов возрождения самосознания многих разноязычных, малочисленных сибирских этносов и постановки ими вопросов об их истории и исконных территориях. Актуальна эта проблема и для населения Кузбасса, где проживает ряд малых тюркоязычных этносов. Корни решения проблемы этногенеза уходят в глубокую древность и средневековье. Причем, с эпохой раннего средневековья практически для всех тюркоязычных этносов Сибири связывается начало их самобытной материальной культуры, политической и этнической истории. Этнические процессы предмонгольского времени (XI-XII вв.) на территории Южной Сибири изучены достаточно полно¹, благодаря наличию письменных сведений и богатству археологических источников. Однако на соседствующей с Южной Сибирью территории юга Западной Сибири из-за сравнительно немногочисленной источниковедческой базы эти процессы остаются малоисследованными. Это характерно и для Кузнецкой котловины, где к настоящему времени накоплены значительные археологические материалы этого периода истории, но практически нет никаких письменных свидетельств об исторических событиях, имевших место на этих землях в XI-XII вв. Последний хронологический период в истории Кузнецкой котловины важен и интересен, прежде всего, тем, что начавшийся здесь с середины VIII в. процесс тюркизации привел к преобладанию тюркоязычных этносов над самодийскими в XI-XII вв. и подготовил расцвет их культуры в эпоху монгольского владычества. Об этих явлениях свидетельствуют разнообразные археологические материалы раннего и развитого средневековья Кузнецкой котловины, наиболее интересными из которых являются погребальные комплексы Шанда и Шабаново-III, датируемые предмонгольским временем (XI-XII вв.)².

Курганная группа Шабаново-III расположена на территории одноименного села в среднем течении р.Касьмы, левого притока р.Ини. Этот памятник насчитывал шесть курганов, которые были раскопаны в 1990 г. А.М.Илюшиным³. Курганный могильник Шанда расположен на северной окраине одноименного села, в среднем течении р.Бачат, и до раскопок насчитывал восемнадцать курганов. В 1960-1965 гг. на этом памятнике экспедицией Гурьевского народного краеведческого музея, под руководством Ф.И.Александрова и П.Н.Муштеля, были исследованы семнадцать курганов⁴. На хронологической шкале средневековых древностей Кузнецкой котловины курганная группа Шабаново-III датируется концом X-XI вв., а курганный могильник Шанда концом XI-XII вв. Датировка этих памятников определяется методом сравнительно-типологического анализа их предметных комплексов с предметными комплексами памятников конца I тыс. н.э. и монгольского (XII-XV вв.) времени, как Кузнецкой котловины, так и Южной и Западной Сибири, Южного Урала и Восточной Европы. Предметный комплекс рассматриваемых памятников отличает преобладание железных вещей, которые в своем большинстве продолжают традиции предшествующего времени. В числе новых форм предметов появляются железные удила с кольчатыми псалиями, стремяна подтреугольной формы с отверстиями для крепления в верхней дужке, сабли и короткий палаш, а также единичные типы бронебойных наконечников стрел. Предметные комплексы этих памятников, несмотря на условный период сосуществования (конец XI в.), в целом сильно разнятся между собой.

Погребальный обряд, зафиксированный на двух этих памятниках, отличает исключительная индивидуальность по отношению к синхронным памятникам сопредельных территорий и друг к другу. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о высокой активности этнических процессов на территории Кузнецкой котловины в предмонгольский (XI-XII вв.) период. Для реконструкции этих процессов рассмотрим погребальный обряд исследуемых памятников в хронологической последовательности.

Шесть курганов курганной группы Шабаново-III представляют собой округлые земляные насыпи диаметром 10-15 м и высотой 0,28-0,72 м, которые располагались цепочкой по линии ССЗ-ЮЮВ, где были выявлены тринадцать погребений. В их числе десять погребений людей по обряду кремации на стороне, два захоронения женщин⁵ по обряду ингумации и одно захоронение лошади. Вероятно, по обряду кремации на стороне были погребены в основном

мужчины, так как только в этих могилах были найдены предметы вооружения и конской упряжи.

Захоронения совершались на уровне древней поверхности, в грунтовых ямах и в насыпях курганов. Земляные курганные насыпи сооружались над массивными, подквадратными срубами в 2-4 венца из пихтовых пород деревьев. Срубы, преимущественно, были ориентированы стенками по сторонам света, с незначительными отклонениями. В двух курганах срубы были поставлены углами на массивные деревянные опоры, заглубленные в материк. Учитывая то, что все срубы сильно подвержены воздействию огня, можно предположить, что земляные насыпи курганов сооружались в процессе горения срубов. Размеры срубов колеблются от 3,35 до 6,30 м, а количество могил, совершаемых, как правило, в срубах, колеблется от одной до пяти. Лишь в двух случаях захоронения были совершены под юго-восточными углами срубов. В шести грунтовых могильных ямах, ориентированных длинной осью по линии ЗЮЗ-ВЗВ были совершены четыре погребения по обряду кремации на стороне, одно захоронение женщины 40-45 лет с антропологическими чертами, характерными, судя по известным краиниологическим сериям, для некоторых групп сибирских татар, и одно захоронение лошади. Лошадь была погребена на брюхе с поджатыми ногами и была ориентирована головой на ЗЮЗ. Женщины, погребенные в грунтовой яме и на древней поверхности по обряду ингумации на спине в вытянутом положении, были ориентированы головой на ВЗВ. Внутри могильных ям лишь в двух

случаях были зафиксированы погребальные конструкции в виде настилов и ограждений из березовых бревнышек и деревянных плах. Глубина грунтовых ям колеблется в пределах 0,08-0,39 м. Погребения на уровне древней поверхности и в насыпях курганов совершались на грунте или бревенчатых настилах, покрытых берестой. В пределах деревянных срубов были зафиксированы также следы деревянных настилов и деревянные столбы, углубленные в материк. За пределами срубов, как правило, с восточной стороны устанавливались деревянные столбы. Также были зафиксированы зубы лошади и фрагменты керамических сосудов. Разнообразие элементов погребального обряда в Шабаново-III свидетельствует о его этнической двухкомпонентности. Основную массу погребений составляют захоронения по обряду кремации на стороне. Этот обряд был присущ в предшествующее время на территории Кузнецкой котловины самодийскому этносу, известному под именем "бома" по хроникам Тан-шуб. В то же время захоронения женщин по обряду ингумации свидетельствуют о присутствии тюркоязычного населения в среде оседлого самодийского этноса, соорудившего этот памятник. О том, что самодийское население среднего течения р.Касьмы было подвергнуто сильной тюркизации, свидетельствуют тюркский предметный комплекс и такие элементы погребального обряда, как установка деревянных столбов с восточной стороны могил, зубы лошади в восточном поле насыпи кургана, и захоронение лошади. Однако преобладание погребений по обряду кремации на стороне, захоронение в деревянных срубах, внешне напоминающих срубы для жилья у аборигенов Сибири, культ огня-очищения позволяют все-таки считать, что этот памятник сооружался представителем самодийского этноса.

Могильник Шанда насчитывал восемнадцать округлых земляных насыпей диаметром 10-25 м и высотой 0,3-0,7 м, которые были окружены, как правило, замкнутыми ровиками. В семнадцати раскопанных курганах было зафиксировано 49 могил, но из-за сильной разграбленности курганов лишь в 39 удалось установить захоронения. В их числе были пять детских захоронений, пять женских, четырнадцать мужских, четырнадцать захоронений лошади, и одно парное захоронение мужчины и женщины. Все захоронения совершались в грунтовых ямах подпрямоугольной и овальной формы, которые имеют широтную ориентацию длинной осью. Как правило, могильные грунтовые ямы располагались под насыпями курганов цепочками по линии С-Ю, а количество их под одной насыпью колеблется от двух до семи. Погребения людей совершались в грунтовых ямах по обряду ингумации, в вытянутом положении на спине и были ориентированы головой на восток. В единственной могиле, где было зафиксировано парное захоронение

мужчины и женщины, лица погребенных были обращены друг к другу. Большинство могил было перекрыто сверху, на уровне материка, поперечным настилом из деревянных плах или березовых бревнышек. Внутри могил были зафиксированы такие погребальные конструкции, как берестяная подстилка под головой или телом покойного, сруб в три венца с перекрытием из коры или березовых бревнышек. Отмечено заворачивание тела покойного в 2-3 слоя бересты. Однако большинство захоронений совершено в грунтовых могильных ямах без внутримогильных конструкций. Новым является тот факт, что под одной насыпью вместе с людьми, но в отдельных грунтовых ямах погребались лошади. Как правило, лошади были

уложены на брюхо с подогнутыми ногами, в полной конской упряжи, и были ориентированы головой на запад.

Глубина грунтовых могильных ям, по-видимому, соотносится с традиционными представлениями о социальной значимости погребаемого животного или человека. Самые большие и глубокие могилы сооружались для лошадей (0,7-1,0 м). Мужские могилы не превышают в глубину 0,6-0,9 м, женские - 0,4-0,6 м, а детские - 0,2-0,4 м. В могилах мужчин найдены преимущественно предметы вооружения и конской упряжи, а женских - украшения. При этом, как правило, в мужских и женских могилах в ногах погребенных располагались 5-11 бараньих позвонков - вероятно, остатки пищи, клавшейся в могилу покойному при захоронении. В отдельных мужских могилах на костях погребенных были зафиксированы следы ранений. В детских могилах были найдены от 3 до 5 бараньих позвонков, а вещи в могилах отсутствовали. Под насыпями разных курганов в трех случаях были зафиксированы единичные следы ритуалов. В их числе остатки поминальной тризны в южной части насыпи, следы сожжения животных - пепел, древесный уголь, жженные кости, и березовый столбик, углубленный в материк и расположенный в 2 м на восток от одной из могил.

Датировка курганного могильника Шанда концом XI-XII вв. и многие элементы погребального обряда позволяют предположить кыпчакскую принадлежность памятника. Именно к этому времени относятся складывание кыпчакского вещевого комплекса и варианта культуры в лесостепной зоне Западной Сибири⁷. В пользу этой этнической интерпретации могильника Шанда свидетельствуют еще ряд наблюдений. Так, известно, что обряд погребения лошадей в отдельных грунтовых ямах под одной насыпью с человеком появляется в X-XI вв. в среде тюркоязычных племен кимако-кыпчакского объединения⁸. К числу кыпчакских признаков относятся также обычай сооружения земляных насыпей с ровиками⁹, сооружение внутримогильных срубов и поперечное перекрытие деревянными плашками или березовыми бревнышками грунтовых могильных ям¹⁰. К числу признаков тюркской культуры относятся захоронения лошадей в полной упряжи и установка деревянных столбов к востоку от могил. Анализ погребальных комплексов Шанда и Шабаново-III свидетельствует о сложных явлениях этнической истории в предмонгольское время (XI-XII вв.) на территории Кузнецкой котловины. В основе этнических процессов лежит явление тюркизации, которое в этот период истории характеризовалось переселением в Кузнецкую котловину тюркских племен из кимако-кыпчакского объединения. Раньше это явление было спорадическим, что позволяло количественно преобладающему самодийскому населению Кузнецкой котловины ассимилировать пришлые тюркские группы, перенимая у них более передовую материальную культуру. Но в XI в. наблюдается коренной перелом в этом процессе, когда тюркские этносы начинают количественно преобладать над самодийскими. Об этом свидетельствуют материалы могильника Шанда (конец XI-XII вв.), в которых полностью отсутствуют признаки, характерные для культуры самодийских этносов предшествующих периодов. А материалы курганной группы Шабаново-III отражают механизм явления тюркизации. На этом памятнике в семейных курганах-усыпальницах, наряду с погребениями мужчин-самодийцев по обряду кремации на стороне, совершались захоронения женщин - представительниц тюркских этносов. Этот факт свидетельствует о мирном сосуществовании тюркских и самодийских этносов в Кузнецкой котловине, и, во всяком случае, об их тесных этнических контактах в конце X - XI вв. Об этом же свидетельствуют материалы конца X в. из кургана N 30 могильника Ур-Бедари, опубликованные М.Г.Елькиным, где, наряду с количественно преобладающими тюркскими погребениями по обряду ингумации, известно единичное самодийское захоронение по обряду кремации на стороне¹¹. Захоронение женщин - представительниц, вероятно, кыпчакских племен в самодийских курганах свидетельствует о том, что они являлись проводниками тюркского языка и культуры в самодийской этнической среде. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что в предмонгольский период (XI-XII вв.) истории уже все население Кузнецкой котловины понимало и говорило на тюркских языках, ставших к тому времени одними из наиболее распространенных в кочевом евразийском мире.

Значительный приток тюркоязычных кочевников в степную и лесостепную зоны Кузнецкой котловины привел к переселению самодийских этносов на север и юг в предтаежную зону. Этот процесс был обусловлен хозяйственными традициями аборигенов Кузнецкой котловины, которые вели комплексное хозяйство - полуоседлое скотоводство, охота, рыболовство и собирательство. Пришлые тюркоязычные кочевники заселяли преимущественно степные просторы и предгорные районы Кузнецкой котловины и, в первую очередь, долины левых притоков р.Ини, богатые луговыми черноземами, изобилующими травостоем. Последнее являлось благоприятным фактором для развития коневодства - традиционной отрасли хозяйства кыпчакского этноса.

Сравнение погребальных комплексов Шанда и Шабаново-III предмонгольского периода (XI-XII вв.) показывает, что в XI в. на территорию Кузнецкой котловины переселяется значительная масса тюркоязычных племен, генетически связанных с кимако-кыпчакским объединением, известным на юге Западной Сибири с конца I тыс. н.э. Видимо, пришлые тюркоязычные племена продвинулись из степной и лесостепной зоны Прииртышья и Алтая, где прежде существовало государство кимако-кыпчаков. Приток новой волны тюркоязычного населения привел к полной аккультурации самодийских этносов Кузнецкой котловины. В результате перенаселения территории Кузнецкой котловины часть прежнего населения продвинулась на север в регион Томского Приобья и на юг в горно-таежный регион. Однако мирное сосуществование тюркских и самодийских этносов в эпоху средневековья позволило сохранить при преобладании тюркских погребальных традиций как отдельные элементы, так и в ряде случаев в целостном виде погребальный обряд самодийцев. Об этом свидетельствуют погребения по обряду кремации на стороне, которые доживают у уже тюркоязычных жителей Кузнецкой котловины до этнографической современности.

-
- 1 Савинов Д.Г. Об изменении этнического состава населения Южной Сибири по данным археологических памятников предмонгольского времени//Этническая история народов Азии. М., 1972. С.255-266; Кызласов Л.Р. О южных границах государства древних хакасов в IX-XII вв.//Учен. зап. КнАИИЯЛИ. Вып.7. 1960. С.56-77; его же. История Тувы в средние века. М., 1969. С.88-129; Кызласов И.Л. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIV вв.)//Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.200-207; его же. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв.//САИ. Вып.Е3-18. М., 1983. С.128; Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982. С.71-178; и др.
 - 2 Илюшин А.М. Хронология и периодизация средневековых погребений по обряду кремации на стороне в Кузнецкой котловине//Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к Всесоюз. науч. конф. Барнаул, 1991. С.164-166; его же. Этапы этнокультурного развития населения Кузнецкой котловины в тюркское время//Исторический опыт социалистического преобразования и дальнейшего развития Кузбасса: Тез. науч. конф. Кемерово, 1989. С.12.
 - 3 Илюшин А.М. Отчет об археологических исследованиях в Тувинской АССР и Кемеровской области в 1990 г. Кемерово, 1990. С.35-45//Архив ИА РАН.
 - 4 Муштей П.Н. Отчет об археологических разведках, проведенных Гурьевским народным музеем в 1965 г. Гурьевск, 1967. С.13-39//Архив ИА РАН.
 - 5 Антропологические измерения и характеристика материалов сделаны к.и.н. А.Р.Кимом.
 - 6 Илюшин А.М. Погребения по обряду кремации конца I тысячелетия н.э. в Кузнецкой котловине (хронология и этнокультурная принадлежность). Дисс. канд. истор. наук. Новосибирск, 1990. С.107-109.
 - 7 Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири//История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С.148.
 - 8 Могильников В.А. Тюркское население северо-западных предгорий Алтая конца I тыс. н.э. и его связи с западносибирской лесостепью//Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. обл. конф. Омск, 1979. С.56-62.
 - 9 Могильников В.А. Кимаки//Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.43.
 - 10 Могильников В.А. Сроткинская культура//Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.45; его же. Кимаки ... С.44; Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С.200; ее же. Печенеги и гузы на Нижнем дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). М., 1990. С.9-42; Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М., 1988. С.42-54; и др.
 - 11 Елкин М.Г. Курганный могильник позднего железного века в долине р.Ур//ИЛАИ. Кемерово, 1970. С.81-92.